

''ВСПОМИНАЯ УЛАНОВУ''

Так назывался вечер, прошедший на сцене Концертного зала имени Чайковского. Образ его создавали знатоки творчества великой балерины XX века: Владимир Васильев, Борис Львов-Анохин, Александр Белинский, Андрий Лиепа, Николай Чикваридзе, Людмила Семеняка... Это был живой диалог Художника с современниками. Такой вечер, думаю, восполнит пробелы нашей художественной истории, а может быть, поможет разобраться и в том, кто же сегодня является истинным предметом гордости России.

...Когда я вижу, как плачет при-

ма-балерина Людмила Семеняка, рассказывая об "уроках Улановой" в своей жизни, то понимаю, с какой щедростью одаривала Галина Сергеевна своих учениц. Л. Семеняка научилась у нее профессии. Но этого мало. В ней поражало все: одухотворенный жест, немногословие, женственность, чистота души и помыслов... Она умела хранить достоинство даже в самые трудные периоды жизни". На пресс-конференции Семеняку спросили, в чем же суть феномена Улановой. Она ответила, что помимо высочайшей балетной культуры Уланова "обладала такими человеческими качествами, которые позволили ей стать символом нашего времени". Думаю, что речь шла о взаимоотношениях человека с духовными силами, может быть, с Богом. Отсюда и осознание себя, своего дара, своего места в мировом художественном пространстве.

Для своего концертного номера-приношения Л. Семеняка выбрала "Молитву" Моцарта в хореографии Л. Някиша. Вся в черном, в лучах прожектора, она танцевала Скорбь. Своими плачущими движениями балерина как бы молила Бога о том, чтобы Он принял Галину и простил ей то, что она, будучи призвана поведать людям "безмолвные драмы века", увидела свою миссию в балетном искусстве. Танцуя, Семеняка не скрывала свою завороженность музыкой. Моцарт оставался на первом плане. Таким благородным способом балерина внушала нам, что мы не можем знать, куда ушла Галина Уланова. Но, взяв все лучшее у музыки,

у людей она, быть может, первой донесет это до каких-то высших сфер...

Премьера одноактного балета "Фрагменты одной биографии" на музыку А Пьяццолы состоялась в Большом театре в день 50-летия постановщика Владимира Васильева. Декорацией служили огромные зеркала, подобные тем, которые видишь в балетных классах. В них отражались золотые ложи зала, зрители, танцовщики. Зеркала как бы сгущали художественную атмосферу спектакля. Но именно атмосфера, дух эпохи всегда были предметом художественных исканий Улановой. Ничего утяжеляющего, никаких резких деталей она не любила — лишь легкие контуры музыкальных догад-

утренняя улыбка, ранние часы жизни, первая любовь, зарождение страсти... Она любила утро. Но как умела танцевать она и сцены смерти!

Ее Мария в "Бахчисарайском фонтане" умирала с чуть шевелящимися губами, произнося какие-то слова в нарушение всех балетных канонов... Б. Львов-Анохин комментировал демонстрировавшиеся на экране документальные кадры из архива Большого театра. Смерть Марии от кинжала Заремы показали дважды, чтобы можно было увидеть и запомнить сердцем эти гениальные мгновения...

Сцену у балкона из "Ромео и Джульетты" танцевали на вечере ее ученики Н. Грачева и А.

Улановой. Но увидев Лопаткину на последнем конкурсе (1997), великая балерина предрекла ей блестящую карьеру и вызвалась кое-что поправить в ее ролях. Знаю, что Уланова много и откровенно говорила о фокинском "Лебеде", о музыке Сен-Санса и своей трактовке. О том, как танцевала "Лебедя" А. Павлова, написаны сотни статей. Можно ли это повторить?.. Но Лопаткина танцует, сообразуясь с хореографией Фокина и музыкой, никому не подражая, и в то же время ее "Лебедь" совершенен. Ее тело, как и тело Улановой, бесцелесно, оно одухотворено, это всего лишь оболочка души. Думаю, что именно это сумела передать Уланова Ульяне.

док. На мемориальном вечере "Фрагменты...", вернее, большое Адажио из этого балета, танцевали А. Волочкина и М. Перетокин. Мне казалось, что в их одухотворенной виртуозности раскрываются загадки дивных мелодий и ритмов Пьяццолы. Не этого ли хотела и Уланова?..

Анна Ахматова говорила, что ей ведомы в жизни "начала и концы". Уланова, казалось, не знала пределов своим артистическим возможностям, она могла танцевать все. Но интересовали ее в жизни именно начала и концы:

Уваров. Глядя на них, я видела руку Улановой, которая сблизила нежность флорентийской Мадонны с энергичностью шекспировских девушек.

Уланова не боялась танцевать некрасиво. Ее "Умирающий лебедь" с какой-то щемящей, "спотыкающейся" ритмикой не имел ничего общего с торжественно-плавной кантиленой Анны Павловой. Это было новое прочтение фокинского "Лебедя". На вечере знаменитый номер в той же хореографии танцевала Ульяна Лопаткина. Она не была ученицей

А теперь — о мировой премьере: хореографической миниатюре "Посвящение" на музыку греческого композитора Димитроса Араписа. Композитор специально приехал в Россию, чтобы поставить балет по своей последней, посвященной памяти Улановой, симфонии. Хореографы Валерий Лагунов и Михаил Лавровский взяли музыку второй части симфонии.

"Посвящение" исполнили ученики Улановой — Нина Семизорова и Марк Перетокин. Это было полное слияния танца и музыки, вероятно потому, что была увлечена идея симфонии. Получился лирический дуэт с высокими поддержками и классическими гран па, но совершенно трагического содержания. Каждая эмоциональная фраза отчетлива и изумительно красива по рисунку. Живой цветок в хореографическом букете для Улановой!

Удачей режиссера стало вокально-хоровое завершение вечера. Дивная "Аве Мария" Каччини с Маквалой Касрашвили прозвучала торжественно и скорбно с органом (А. Венжик), соло трубы (А. Иков) и хором мальчиков Академии хорового искусства во главе с В. С. Поповым.

Светлана МАГИДСОН.
Фото Э. Гродского.

